

УДК 335/359

**НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В СВЯЗИ
С ОБЪЯВЛЕНИЕМ СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (АВГУСТ 1945 г.)****MOOD OF THE SOVIET UNION POPULATION DUE TO THE DECLARATION
OF SOVIET-JAPANESE WAR (AUGUST 1945)****С.В. Коршенко
S.V. Korshenko***Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
Россия, 196605, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10**Pushkin Leningrad State University,
10 Peterburgskoe shosse, St Petersburg (Pushkin), 196605, Russia**e-mail: skorshienko@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию настроений советского общества в период объявления советско-японской войны в начале августа 1945 г. Предпринята попытка рассмотреть формы, средства и методы воздействия советской информационной политики на массовое общественное сознание, определить доминанту общественных настроений населения Советского Союза на фронте и в тылу, проследить динамику ее изменений в условиях менявшейся внутри- и внешнеполитической обстановки как в СССР, так и в Японии, в заключении, ознакомиться с частными мнениями советского народа об островном соседе СССР и о последней кампании Второй мировой войны.

Resume. The article investigates the attitudes of the Soviet society in the period of the Soviet-Japanese War declaration at the beginning of August 1945. An attempt was made to consider the forms, means and methods of the Soviet information policy influence on the mass public consciousness, to determine the dominant public mood of the Soviet Union population at the front and in the rear and also to track its dynamics in a changing domestic and foreign political situation both in the USSR and in Japan. In conclusion, to obtain the private Soviet people's opinions on the island neighbour of the USSR and on the last campaign of World War II.

Ключевые слова: настроения, представления, стереотипы, общественное сознание, пропаганда, агитация, Советский Союз, Япония, советско-японская война.

Key words: mood, ideas, stereotypes, social awareness, advocacy, campaigning, Soviet Union, Japan, the Soviet-Japanese War.

Проблемой общественного сознания преимущественно стали заниматься в постсоветские годы. В рамках данной проблематики отечественными историками рассматривались вопросы поведения человека в условиях войны, его мысли и чувства, вопросы влияния идеологии и пропаганды на массовое сознание, вопросы формирования и эволюции «образа врага», вопросы взаимных представлений народов друг о друге на разных этапах российской истории и мн. др. В рамках нашей проблематики целесообразно выделить некоторые работы. Во-первых, монографию «Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны»¹ профессора Ткачевой Г.А., в которой автор исследует настроения жителей Дальнего Востока в отношении Японии в годы Великой Отечественной войны, их переживания и тревоги в связи с постоянными провокациями японцев на дальневосточной границе. Ткачева Г.А. анализирует формы поведения людей в военных условиях, формулирует доминанту общественных настроений, господствовавших в советском Приморье в указанный период. Во-вторых, монографию профессора Е.С. Сенявской «Психология войны в XX веке. Исторический опыт России»², где историк подробно исследует «образ врага» в обыденном сознании советских военнослужащих. Так, в частности, автор работы исследует эволюцию настроений советского общества в период советско-японского противостояния в 1930-х, 1940-х гг., анализирует влияние механизмов пропаганды и агитации на массовое сознание. В совместной работе профессора Н.Д. Козлова и М.М. Довжинца «Официальное и обыденное сознание в годы Ве-

¹ Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Владивосток, 2010. 376 с.

² Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999. 383 с.

ликой Отечественной войны»¹, исследуя моральный фактор и духовный потенциал советского народа в Победе над фашистской Германией, историки приходят к выводу, что в годы войны «образ врага» позволял держать советское население в состоянии мобилизационной готовности, подавлял вспышки инакомыслия и предательства и списывал происки и просчеты в экономике и политике, допущенные руководством страны. Источниковедческой базой данных исследований послужили материалы периодической печати, народный фольклор и источники личного происхождения, позволившие не только дать оценку общественным настроениям населения, но ознакомиться с субъективными мнениями на происходившие события. Поэтому нами ставится цель продолжить исследование общественных настроений в СССР, но в момент объявления советско-японской войны в начале августа 1945 г.

По результатам договоренностей Потсдамской конференции в начале августа 1945 г. советским руководством было принято решение вступить в войну с «последним сателлитом» Германии – Японией. В преддверие объявления войны Правительством СССР было принято решение начать интенсивную агитационно-пропагандистскую (разъяснительную) работу с жителями Советского Союза, стараясь ознакомить со всеми аспектами жизни дальневосточного соседа. На страницах советских газет затрагивались проблемы от вопросов традиционной японской культуры до экономического состояния Японии в условиях военного времени, данные проблемы перекликались с информированием граждан об истории захватнической политики Японии на Дальнем Востоке в первой половине XX века, преимущественно упоминая о результатах русско-японской войны 1904 – 1905 гг. и событий дальневосточной интервенции в период Гражданской войны. На агитационных собраниях разъяснялась текущая обстановка войны на Тихом океане, а также проблемы непростых дипломатических отношениях между Японией и СССР².

Охват аудитории, принимавшей участие в семинарах, посвященных грядущей войне, был внушительным. Даже после блокады Ленинграда с февраля по октябрь 1945 г. по Василеостровскому району семинары были проведены для 270 агитаторов, которые, в свою очередь, также проводили массовую агитработу. Охват аудитории по Смольнинскому району города был в несколько десятков раз больше, где за 1945 г. на лекциях побывало 13977 человек³.

Вышедшую 9 августа 1945 г. передовую страницу в газете «Правда», в которой И.В. Сталин объявил о вступлении СССР в войну с Японией, обсуждали на митингах советские люди «всех профессий и званий». В центральных газетах «Известия» и «Правда» со словами поддержки дальневосточникам выступили жители из различных городов Советского Союза: из Минска, Ярославля, Ташкента, Воронежа, Сталинграда, Ленинграда, Александровска-Сахалинского, Омска, Кишинева, Уфы, Сталинабада и др.⁴. В первый день войны президент АН СССР С.И. Вавилов напомнил читателям недавнюю историю взаимоотношений двух противоборствующих держав: «Захватив разбойничьим образом значительную часть Китая. Япония продолжает упорствовать в продолжение войны. Наш народ помнит Халкин-Гол. Старшее поколение не забыло коварного нападения на наш тихоокеанский флот в Порт-Артуре и Чемульпо»⁵. Многие из деятелей искусства поддержали грядущую войну, в том числе и композитор Тихон Хренников и мн. др.: «Единственная из стран оси, продолжающая бессильное сопротивление, отвергнувшая предложение Америки, Англии и Китая о прекращении войны, единственная страна в мире, поддерживавшая огонь войны, получит по заслугам»⁶.

Особенно повезло тем слушателям, которые удостоились внимания участников русско-японской войны 1904 -1905 гг. Например, работавший на Балтийском заводе им. Г.К. Орджоникидзе М.А. Барсуков рассказывал об участии в подготовке русской эскадры и обороне Порт-Артура⁷. На подобных митингах присутствовали и авторитетные историки, чьи аргументы в пользу военных действий на Дальнем Востоке также могли поспособствовать мобилизации трудящегося населения СССР: «Их налеты на нашу территорию, обстрелы и т.п. [в период «дальневосточного затишья» - С.К.] – все говорило о том, что фашистский зверь готов напасть на Советский Союз...» - заместитель директора института истории ВКП(б) И.М. Кошелев⁸. Академик В.М. Алексеев напомнил историю захватнической политики Японии в отношении Китая: « У меня – востоковеда, специалиста по Китаю, - решение Советского правительства вызвало особое удивление. Тысячу лет японцы занимались пиратством у берегов Китая. Неслыханную агрессию ведет она и в течение последних четырнадцати лет...»⁹. При этом приведенный комментарий академика В.М. Алексеева не является безосновательным. Еще в 1907 г., в период заграничной поездки ученого по Китаю, им были оставлены дневнико-

¹ Козлов Н.Д., Довжинец М.М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2008. 336 с.

² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 10. Д. 451. Л. 52, 165, 205.

³ Там же. Л. 8, 335.

⁴ Покончить с японским агрессором // Известия советов депутатов трудящихся СССР. 1945. 9 авг. С. 2.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Решимость народа // Известия советов депутатов трудящихся СССР. 1945. 12 авг. С. 2.

⁷ Одобряем решение Правительства // Ленинградская правда. 1945. 9 авг. С. 2.

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 536. С. 17.

⁹ Уничтожим осиное гнездо! // Смена, 1945. 12 авг. С. 2.

вые записи, в которых, в частности, сообщалось, что для истории Поднебесной «пираты-японцы были привычны, и ждать врага с этой стороны они [китайцы – С.К.], в общем, могли».

Результатом агитационно-пропагандистских мероприятий стало обещание советских людей встать на многодневную стахановскую вахту, дать наставление детям, уже воевавшим на советско-германском фронте, работать больше и лучше, отдать все свои знания и опыт для победы¹. Общественное мнение сводилось к единому, что «участь Японии предрешена, и четыре великих державы – СССР, США, Великобритания и Китай уничтожат японский империализм»².

В большинстве случаев доминанта общественных настроений населения СССР свидетельствует о новом патриотическом подъеме после Великой Отечественной войны. На следующий день, после объявления войны Японии, жители Курска отреагировали одни из первых: «Хотя мы и называем Советское Приморье Дальним Востоком, но этот Дальний Восток нам очень близок»³. Колхозники сельхозартели «Приятное» Свердловской области с одобрением отнеслись к политике Советского Правительства: «Немцы хотели, чтобы русские на них работали, но ошиблись: Красная Армия всыпала им как следует, долго не опомнятся. Тоже будет и с Японией. Мы всегда готовы помочь Красной Армии в борьбе с захватчиками»⁴. А жители Белоруссии были «готовы перевыполнять всякие нормы» для победы над Японией: «Говорить о мире, когда Япония продолжает войну – невозможно. Только тогда, когда будет разбито последнее агрессивное государство, народы, населяющие земной шар, смогут жить в полной безопасности»⁵.

Для жителей Владивостока грядущая война была особенно актуальной. Теперь Приморье, бывшее в период Великой Отечественной войны глубоким тылом, становилось прифронтовой зоной в будущем конфликте. Возлагаемую ответственность понимали многие жители Приморья, достижения которых сводились к конкретным результатам. К примеру, на заводе 202 бригада судосборщиков в составе 6 человек под руководством бригадира Служенко выполнила задание раньше срока с высоким качеством, не выходя из цеха в течение 5 дней. Бригада котельщиков коммуниста Кондрашина на судовой верфи по выполнению спецзаказа к 13 августа 1945 г. выполнила нормы на 420%. В паровозном депо «Первая речка», несмотря на то, что из депо ушло 65 человек в армию, все задания выполнялись в срок. Рабочие этих же цехов в количестве 290 человек внесли 4000 рублей в помощь детям фронтовиков. Подобных примеров трудовых подвигов во Владивостоке – множество⁶.

Таким образом, в преддверии советско-японской войны шла масштабная и достаточно продуктивная массово-агитационная работа среди населения Советского Союза. Их настроения были проникнуты оптимизмом и уверенностью в победе, поскольку, во-первых, Япония терпела поражение в войне от союзников по антигитлеровской коалиции. Во-вторых, победа над фашистской Германией унифицировала настроения подавляющего числа советского населения, веру в скорый разгром всех ее сторонников.

Встречались случаи, когда, к примеру, ленинградцы с беспокойством встречали новость о начале новой войны, и, судя по материалам проводимых семинаров, знали о состоянии противника достаточно мало. Вследствие этого, некоторым горожанам было тяжело представить масштабы и ущерб грядущей войны.

Результатами умозаключений ленинградцев являлись вопросы, задаваемые, как правило, в конце любых районных митингов и собраний. Наибольшей популярностью среди населения Ленинграда пользовались вопросы, фиксировавшие повышенный интерес к проблемам изменения социально-экономического устройства в городе в послевоенное время. Так, к примеру, задавались вопросы о возможном переводе предприятий на выпуск военной продукции, а армии и флота на казарменное положение. Следующая группа вопросов затрагивала темы о срочных прерываниях отпусков рабочих и служащих, а также проблемы о сохранении восьмичасового рабочего дня. Иными словами, задавались вопросы о влиянии войны на «начавшийся мирный труд»⁷.

Очевидно, что беспокойство ленинградцев, как и всех жителей Советского Союза, вызванное началом новой войны, являлось нормой человеческого поведения в достаточно суровых условиях послевоенного времени. Многие невольно предпринимали попытки представить потери в советско-японской войне. Следствием незнания происходящего являлась неуверенность в будущем и страх потерять вновь приобретенное.

Во-вторых, серия вопросов, фиксирующая интересы советских людей к международной обстановке, и в частности, к проблемам эффективной помощи и готовности стран-союзниц по антигитлеровской коалиции выполнять достигнутые договоренности Потсдамской конференции. У некоторых ленинградцев возникали опасения по поводу вступления СССР в новую войну с Японией, как, к примеру, у работницы завода Котлякова товарища Жутенковой: «...Не получится так, что

¹ Уничтожить японский разбойничий империализм // Сталинец. 1945. 11 авг. С. 2.

² Там же. С. 2.

³ Дни японской военщины сочтены // Курская правда. 1945. 10 авг. С. 1.

⁴ Во имя мира // Свердловская правда. 1945. 12 авг. С. 1.

⁵ Обуздать японских агрессоров // Гродненская правда. 1945. 10 авг. С. 2.

⁶ Государственный архив Приморского края (далее ГАПК). Ф. П-68. Оп. 35. Д. 12. Л. 41.

⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 536. Л. 14, 22.

союзники будут ожидать, а мы будем бить японцев и нести потери, как получилось с Германией; три года мы воевали одни, а они ждали удобного момента». Среди прочих сомнений были следующие: об участии в грядущей войне стран-союзниц, в частности Англии, а также подозрения: являлось ли в действительности вступление СССР в войну с Японией «волеизъявлением советского народа» или просьбой стран-союзниц. Единичные умозаключения населения СССР свидетельствовали о неминуемых тяготах Советского Союза в грядущей войне¹.

В-третьих, вопросы, посвященные заинтересованности в деталях проведения военной наступательной операции советской армии на Дальнем Востоке, а также общие проблемы о размере территории, численности населения и армии, состоянии военно-морских и военно-воздушных сил дальневосточного соседа. А именно, каким образом советское командование будет проводить военные действия на новой территории. Часть вопросов касалась притязаний Советского Союза на китайские территории в случае их освобождения, в частности Порт-Артура и КВЖД².

Тематика вопросов, задаваемая на предприятиях Приморья, была преимущественно такой же. К примеру, на предприятиях Моторзавода, Сахзавода, локомотивовагоноремонтного завода, депо, рабочие интересовались проблемами сокращения восьмичасового рабочего дня, введения военного налога, увеличения норм хлеба и продуктов питания, а также сроков начала мобилизации армии. Многие предпринимали попытки в последний момент обнадеежить себя мыслью о том, что вся полемика в будущей войне, развернувшаяся на заводах, является ложной³.

Во Владивостоке дезинформация стала частной нормой общественных отношений и позволяла формировать упаднические настроения среди всех категорий населения. В частности, сразу после Дня Победы в мае 1945 г., учительница 11 средней школы города Ворошилова (ныне Уссурийск – С.К.) Мышко сообщила, что она слышала разговор, что японская делегация поехала в Москву к товарищу Сталину с предложением отдать Советскому Союзу южную часть острова Сахалин и освободить Маньчжурию с целью избежать войны. Врач железнодорожной больницы того же города Ильин сообщает, что прибывшие войска Красной Армии с фронта, стоящие сейчас на границе, сами начинают обстреливать японские батареи, чтобы вызвать на военные столкновения Японию⁴.

Распускание слухов заставило провести проверки предприятий и учреждений Приморья, по результатам которых, было решено признать «неудовлетворительным» моральное состояние рабочих и служащих отдельных предприятий и учреждений Приморья. Так директор завода 202 не смог объяснить позднее поступление газет «Красное знамя» и многотиражки «Ворошиловец», вследствие чего рабочие завода смогли ознакомиться с актуальной информацией только на следующий день. Уже в период войны (15 августа 1945 г.) на том же заводе не обнаружено ни одной карты Японии и Маньчжурии⁵.

Угроза принять на себя всю тяжесть войны, вновь перестраивать предприятия на военный лад бытовала недолго, ведь уже через неделю после вступления Советского Союза в войну с Японией, последняя приняла безоговорочную капитуляцию, но в начале советско-японской войны панические настроения среди населения Советского Союза имели место быть. Объяснить их, на наш взгляд, нельзя недостаточной агитационной пропагандой или слабой информированностью населения, а вполне возможно, чувством внутреннего беспокойства советских людей за родных и близких, воевавших на дальневосточном фронте. К примеру, работницы фабрики им. В.К. Служкой Полякова и Моторина, у которых мужья и братья во флоте ушли на Дальний Восток заявляли: «Не успели отдохнуть – опять война, того и жди, что теперь их убьют, а поэтому и руки опускаются работать»⁶. С похожим заявлением выступила работница Овсянникова: «Опять война, опять кровопролитие. Зачем и почему СССР вступил в войну, приостановится демобилизация и не дожидаться возвращения из армии родных. Скорее бы кончилась война, надоело уже»⁷.

Одним из главных преимуществ советской пропаганды являлась возможность продвижения стереотипов о «дальневосточном агрессоре» при помощи очевидного сопоставления Японии с фашистской Германией. Помимо уже устоявшихся ассоциаций о Японии в общественном сознании населения СССР, как, к примеру, «дальневосточном сателлите Германии», на страницах советских газет появляются небольшие истории о судьбах и думах советских солдат после победы над фашистской Германией. В частности, на страницах газеты «Смена» был опубликован очерк о мыслях бойца гвардейской пехоты, «молодом и загорелом, с ленинградской медалью на груди, обутом в сапоги, стоптанных на многих дорогах», который, остановившись у Бранденбургских ворот, рассматривает помятых коней германской колесницы. Солдат думает лишь об одном: «Немцев мы побелили. Ну, а как теперь будет там – на Востоке? Японцы – те же фашисты, только обличье дру-

¹ Там же. Л. 19, 43.

² ГАПК. Ф. П – 68. Оп. 34. Д. 56. Л. 25, 35.

³ Там же. Л. 140об.

⁴ Там же. Л. 140.

⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 12. Л. 40.

⁶ ГАПК. Ф. П – 68. Оп. 34. Д. 56. Л. 11, 41.

⁷ Там же. Л. 23.

гое»¹. При этом имя солдата не называется, видимо для того, чтобы подчеркнуть схожесть и общность мыслей всего советского народа в грядущей войне с Японией.

Нередко сами фронтовики становились авторами небольших стихотворений, рассказов, анекдотов и частушек. Появление подобных примеров устного народного творчества свидетельствовало не только об уверенном настрое советской армии, но и о восприятии к Японии, как к врагу несерьезному. Подобное поведение красноармейцы могли позаимствовать во время разговоров с солдатами-дальневосточниками, чьи настроения по воспоминаниям современников в период «дальневосточного затишья» иногда переходили в «шапкозакидательские». С другой стороны, все устное народное творчество всегда было источником утешения и хорошего настроения во время войны. Поддержание подобной духовной атмосферы в обществе неофициально являлось приоритетной задачей советской пропаганды. На страницах газеты «На страже Родины» в первые дни августа 1945 г. стали появляться всевозможные карикатуры, частушки, стихотворения и песни. Одно из них принадлежало ленинградцу Ивану Мухе, в те дни, воевавшему на Дальнем Востоке:

У агрессоров недавно в их разбойничьей стране

Были радужными явно рассужденья о войне.

Говорилось, что походы обещают лишь доходы,

Что Японии война обязательно нужна!..

Пушки голосом могучим говорят на полный бас:

- Воевать мы вас отучим, навсегда отучим вас².

В первую неделю войны в газетах выкладывается множество карикатурных зарисовок дальневосточного соседа и сюжетов, связанных с ним. Выполняя одну из главных задач советской пропаганды, в газетах пытались не просто сопоставить милитаристскую Японию с фашистской Германией, но и убедить ленинградских читателей в повторном сценарии Победы Советского Союза. На одной из карикатур, занимающей почти всю четвертую страницу газеты «На страже Родины», перед читателями предстает тень Гитлера и надувшегося японского солдата, стоящих напротив советских пушек. Тень Гитлера отображает силуэт фюрера и его внешних черт лица: зализанной челки, низкого покатога лба, длинного носа, широких скул и др. Маленький, толстый японец выглядит весьма амбициозным, уверенным, готовым к боевым действиям, держа в одной руке самурайский меч, в другой фашистский маузер. Под карикатурой приведены следующие стихотворные строчки:

- Не трать усилий самурай,

Ложись ка в гроб и помирай! –

Ему тень Гитлера сказала.

Исход известен наперед:

Капут постиг меня сначала,

Теперь приходит твой черед³.

Таким образом, информационное пространство послевоенного Советского Союза создало условия для распространения различного рода официальных и неофициальных сообщений. С позиций официальной пропаганды население страны в своем большинстве демонстрировало единство мнений и настроений. В начале августа 1945 г. стали появляться призывы самоотверженно стоять на своем посту, навести железную дисциплину во всех трудовых коллективах, в которых выступили с единодушным осуждением Японии. Многие жители Советского Союза обращались с просьбой отправить их на дальневосточный фронт добровольцами с полной уверенностью в быстротечном характере объявленной войны. С другой стороны, вступление СССР в войну с Японией вызвало неоднозначную реакцию. Непонимание необходимости данного решения соседствовало с беспокойством советских людей за судьбы своих близких и стремлением к социальной справедливости в условиях послевоенного времени.

Библиографический список

Дружба О.В. Проблема войны в сознании советского общества 30 – 50-хх гг. XX в.: прогнозы, реальность, первый опыт исторического осмысления. Ростов-на-Дону: Донской Государственный Технический Университет, 2006.

Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941 – 1945 гг. М.: ИРИ РАН, 2000.

Козлов Н.Д., Довжинец М.М. Официальное и обывденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Альтер-Эго, 2008.

Кононыхин Н.М. Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. М.: Издательство ВПШ и АОН ПРИ ЦК КПСС, 1960.

Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М.: Вече, 2010.

Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио. М.: Вече, 2004.

¹ Вместе со своей страной // Смена. 1945. 9 авг. С. 2.

² На страже Родины, 1945. 14 авг. С. 4.

³ Там же. С. 4.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2010.

Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945 – 1954. М., 1999.

Широкоград И.И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). М.: Издательство МГУП, 2001.

References

Druzhba O.V. Problema voyny v soznanii sovetskogo obshchestva 30 – 50-khkh gg. XX v.: prognozy, real'nost', pervyi opyt istoricheskogo osmysleniia. Rostov-na-Donu: Donskoi Gosudarstvennyi Tekhnicheskii Universitet, 2006.

Zima V.F. Mentalitet narodov Rossii v voine 1941 – 1945 gg. М.: IRI RAN, 2000.

Kozlov N.D., Dovzhinets M.M. Ofitsial'noe i obydennoe soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. SPb.: Al'ter-Ego, 2008.

Kononykhin N.M. Partiinaia i sovetskaia pechat' v period Velikoi Otechestvennoi voiny. М.: Izdatel'stvo VPSH i AON PRI TsK KPSS, 1960.

Koshkin A.A. Rossiia i Iaponiia: Uzly protivorechii. М.: Veche, 2010.

Molodiakov V.E. Nesostoiavshaiasia os': Berlin – Moskva – Tokio. М.: Veche, 2004.

Seniavskaia E.S. Psikhologiiia voiny v XX veke. Istoricheskii opyt Rossii. М.: «Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia» (ROSSPEN), 1999.

Tkacheva G.A. Dal'nevostochnoe obshchestvo v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941 – 1945 gg.) / Institut istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka, DVO RAN. Vladivostok: Dal'nauka, 2010.

Fateev A.V. Obraz vraga v sovetskoii propagande. 1945 – 1954. М., 1999.

Shirokorad I.I. Tsentral'naia periodicheskaia pechat' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941 – 1945). М.: Izdatel'stvo MGUP, 2001.